

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: «ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР» И ОСОБАЯ МИССИЯ СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

«Исламский экстремизм» - ересь, выросшая из политических амбиций. Это не секрет. Но от этого не легче. Потому что он есть, он не признаёт границ и одним из объектов его экспансии является Центральная Азия.

Причины очевидны. Кризис экономики, политики и идеологии здесь не преодолен, а государство пока не готово (да и не обязано) быть социальным. Так что рост недовольства в «низах» закономерен. Как и интерес протестных масс (особенно - молодежи) к жестким и романтичным установкам раннего Ислама. К тому же экстремисты владеют искусством политической мимикрии. Представляясь «борцами за народные интересы», ловко играют на почти сакральном почтении Запада к формальностям и публичным заявлениям, прячась за спинами интеллектуалов, оперирующих классическими терминами либерализма. При этом реальной конкуренции фанатикам светские «западники» не составляют. Ни взять власть самостоятельно, ни удержать её они не в силах, хотя бы в силу отсутствия широких социальных слоев, способных осмыслить их идеи.

Назовем кошку кошкой: единственным, кто реально способен сорвать торжество экстремизма в Центральной Азии, остается светская власть. Не «либеральная», и не «демократическая», и вообще едва ли укладывающаяся в предлагаемые Западом образцы, а просто власть - традиционная, возникшая некогда как ответ на социальную потребность в организации масштабных ирригационных работ. Ведь государства в данном регионе возникли отнюдь не на пепелище СССР. Они существовали издревле, опираясь на неписанный общественный договор, и светская власть всегда доминировала над духовной, хотя, разумеется, учитывала её рекомендации. Живучесть властных традиций подтвердил 1991 год, когда республики региона, фактически брошенные на произвол судьбы, тем не менее, состоялись как суверенные государства.

Последовательный апологет западной системы ценностей, из числа тех, кто всерьез уверен в возможности либерализации Ирака или Афганистана посредством проведения выборов по принципу «один человек, один голос», безусловно, скажет, что «нормального осуществления функций» (иначе говоря, стабильности и порядка) мало и надо любой ценой стремиться к идеалу. Эта позиция не выдерживает элементарной критики, хотя бы потому, что, давая рекомендации, такой эксперт не рискует испытать на себе неизбежные последствия внедрения в жизнь своих советов. Он не видит реальности, а реальность проста: традиционные культуры народов Центральной Азии не содержали и по сей день не содержат в развитой форме элементов демократических свобод. По крайней мере, в

западном смысле этого слова. И когда президент Ислам Каримов говорит о патернализме, коллективизме и приоритете общественного над личным, как специфических реалиях восточной демократии, он знает, что говорит.

Безусловно, от постепенного обновления странам Центральной Азии никуда не деться. Но ни в коем случае не следует пытаться шпорить время, спешно, в приказном порядке внедряя квази-реформы и тем самым создавая питательную среду для радикалов, замаскированных под «демократическую оппозицию». Да, утверждение права на собственную, отвечающую реалиям политику, отрицающую слепое подчинение указаниям извне, чревато ухудшением отношений с Западом. Однако практика показывает, что политика уступок рано или поздно влечет за собой капитуляцию перед «волей народа», глашатаями которой выступают радикалы. Зато недопущение в страну различных «защитно-правовых» организаций и пресечение «гуманитарных» финансовых потоков предельно сужает возможности экстремистов. В данном регионе это тем более актуально, что все здесь «связаны одной цепью» - обрыв одного звена вызовет эффект домино. Что же касается давления Запада, то, как подтверждает история, столкнувшись с твердой позицией, оно ограничивается вялыми санкциями, а вскоре и иссякает.

Естественным союзником светской власти в условиях ломки общины остается классический Ислам. Его носители отрицают экстремизм как ересь и при этом, в отличие от властей, имеют право и возможности ориентировать массы вести себя в стиле «Богу богово, кесарю кесарево». В свою очередь, государство не имеет права устраняться от процесса, поскольку лояльные законоучителя, защищая Ислам от искажений, нуждаются в защите от тех, кто считает высшей истиной свои заблуждения. Обеспечить лояльным гражданам реальное равноправие и реальную защиту от нарушителей закона, способны только светская власть и законодательство, исключаящее оправдание преступления по «богоугодным» мотивам. Убийца должен быть наказуем как убийца, даже если он «воин Аллаха», мятежник – как мятежник, а не как «оппозиционер». Права личности священны, пока не противоречат правам других личностей. В противном случае личность должна быть изолирована от общества, даже она именует себя оппозиционером, реформатором и представителем угнетаемого религиозного течения.

Традиционной опорой светской власти в Центральной Азии являются силовые структуры. Опыт последних лет свидетельствует, однако, что в нынешнем своем виде они далеко не всегда эффективны. К тому же, именно «силовики» ныне стали объектом пристального интереса внешних сил, заинтересованных в дестабилизации «чересчур самостоятельных» режимов и коррекции их политического, вернее - геополитического курса. Учитываются и групповые противоречия, и ведомственное соперничество, и

личные амбиции. Даются все возможные гарантии. Практика, правда, показывает, что гарантиям этим грош цена, но выясняется это постфактум. Опасность реализации таких тенденций весьма велика, а потому крайне необходима максимальная консолидация руководства силовых структур вокруг действующего лидера, арбитра и контролера, основанная на простом и циничном понимании: конфронтация, основанная на личных амбициях, чревата, как минимум, политическим крахом.

В более отдаленной перспективе, думается, есть смысл принципиально пересмотреть концепцию подготовки кадров армии, полиции и спецслужб. Необходимо формирование элитных частей, сам факт принадлежности к которым воспринимался бы как высокая честь, безусловно, подкрепленная определенными привилегиями, частей, исповедующих кодекс корпоративной чести, основанный на отрицании фанатизма. Хрестоматийно успешный опыт Турции и (по мнению д-ра Эндрю Андерсена) Индонезии эпохи «Голкар» доказывает: осознание офицерским корпусом ответственности за будущее страны является достаточной гарантией стабильности светского режима.

Этого, однако, мало. Исследователи феномена «оранжевых революций» (в первую очередь Сергей Мирзоев), отмечают, что политика в странах СНГ (и не только, вспомним события в Мексике) превратилась в менеджмент. Лояльность населения государству, когда-то названная М. Вебером «легитимностью власти», сегодня конструируется за счет набора технологических проектов. Но и оппозиция располагает арсеналом методик, дающих возможность в удобный момент делегитимировать институты власти, перехватив рычаги управления. В связи с этим задачей задач власти становится овладение широким спектром политических технологий. В отличие от привычных форм охранения, это должны быть более широкие, системно увязанные явления власти, проявляющейся уже не только в государстве через его органы, но и в консолидации властью новых институтов - благотворительных фондов, центров влияния и общественных организаций, способных разрабатывать идеологические и институциональные новации. Разумеется, к реализации тех или иных проектов можно и даже должно привлекать зарубежные общественные организации, ориентируя их, однако, на то, что стратегия социально-государственного развития не может диктоваться извне, а результаты работы не должны служить (или, по крайней мере, не служить в первую очередь) интересам внешних сил.

Кое-что в этом направлении уже сделано. Идет разработка идеологием, направленных на укрепление национальной самоидентификации масс, осознание ими своей «особости», не уместяющейся в прокрустово ложе религиозной унификации, и, одновременно, на определение формул трансцендентального, идеального содержания власти. Каждая страна, конечно, ищет свой путь: где-то могут обращаться к авестийскому наследию, где-

то возрождать традиции степных витязей, где-то строить концепцию территориально-культурного конгломерата «Новый Туран». Но как первичная прививка от вируса экстремизма (и что важно, не только религиозного) методика себя оправдывает.

Важно помнить: основная задача нынешнего поколения лидеров - не строить «Новые Нидерланды», а создать их фундамент, укрепив социальную стабильность и гарантировав преемственность обеспечивающего её политического курса. Сама жизнь зачеркивает в регионе надуманный принцип «двух каденций», даже в США принятый не так давно. Но все же жизнь есть жизнь. Рано или поздно вопрос о ротации на высшем уровне станет актуальным. И к этому следует готовиться заранее, поскольку именно в этот крайне важный момент почти неизбежно обострение конкуренции исторически сложившихся территориальных элит. Причем, самое скверное, что полная победа одной из них неизбежно повлечет за собой масштабные кадровые ротации, чреватые никому не нужными социальными стрессами. Избежать столь нежелательного развития событий можно. Но только обеспечив заранее плавность передачи полномочий. Что подразумевает, во-первых, скорейшее определение фигуры «сменщика» и, во-вторых, скорейшую же легитимацию его статуса в системе власти.

Критерии подбора жестки. Кандидат должен входить в «ближний круг» лидера, быть «фигурой согласия» всех подсистем структуры, консервируя сложившийся баланс сил, интересов и претензий. И в то же время, представляя качественно новую генерацию политиков, ориентированных на социальный прогресс, должен располагать личностным потенциалом для преодоления неизбежного поначалу неприятия себя Западом.

Тривиальных решений нет. Технологию легитимации «сменщика» еще можно строить по прецедентам, изучая опыт светских стран мира Ислама, в частности, Сирии и Азербайджана (благо апробированные там проекты не противоречат ни традициям, ни менталитету, ни геополитической специфике региона). Но «проблема кандидатуры» куда сложнее, и потому изучать её следует, не опасаясь парадоксальных ходов. Вплоть до самых неожиданных. Вроде - почему нет? – взгляда сквозь призму эмансипации женщин в мире Ислама. Благо, тема эта входит в список, с одной стороны, «священных коров» Запада, с другой – актуальных задач Востока, а некая «феминизация» решения не только автоматически исключает какую-либо возможность компромисса с фанатиками, но и может свести на нет демагогию ультра-либералов. Конечно, на первый взгляд, такой подход плохо согласуется со спецификой региона. Однако на поверку ни национальные традиции, ни каноны религии его не отрицают. Напротив, подтверждают многочисленными прецедентами.

Впрочем, это тема для отдельного и непростого разговора.